
РЕЦЕНЗИИ

*В.В. Леденева**

**Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.
«Житие канцлера Франциска Бакона»: Биография Ф. Бэкона
в уникальном переводе Василия Третьяковского (1760 г.).
В.К. Третьяковский как мыслитель и переводчик: монография
(М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 232 с.)**

Всякий значительный научный труд предваряется сложным этапом разысканий. Написанию данной монографии Ю.В. Сложеникиной и А.В. Растягаева предшествовала большая работа авторов по подготовке к опубликованию в XXI веке почти забытого «перевода с перевода» В.К. Третьяковского «Житие канцлера Франциска Бакона», впервые осмысленного современными учеными как произведение, важное для понимания социальных установок, философских взглядов, причин признания возможности чуда перевоплощения личности и ценности света разума самого первого русского профессора. Его самоотверженному филологическому труду как служению науке, заданному принципом *imitatio Christi*, посвящается рецензируемая книга плодотворного творческого тандема.

Издание открывается указанной публикацией, позволяющей оценить язык и стиль В.К. Третьяковского как переводчика, выявить принципы его работы с источником, охарактеризовать филологические приемы и способы «влияния» на текст – трансформированный в новых исторических условиях жанр *жития*. Это имеет несомненную ценность для отечественной лингвистики, стилистики, теории перевода, истории русского литературного языка – филологии в целом, потому что для эрудита Третьяковского «Житие канцлера Франциска Бакона» было, по оценке авторов монографии, продолжением его просветительских трудов.

Интенция текста авторизованного перевода, обусловленная восхищением личностью и свершениями Фрэнсиса Бэкона, проявляется в имплицитно формируемом Третьяковским представлении о сходстве своей линии жизни с судьбой прославленного английского политического деятеля, философа, историка. Ю.В. Сложеникина и А.В. Растягаев адекватно декодируют текст перевода В.К. Третьяковского, поэтика, композиция, жанровая специфика которого определяется как контаминация античной, христианской и просветительской традиций жизнеописания человека. Кроме того, исследуется «эволюция переводческой доктрины» выдающегося филолога XVIII века.

Авторы сформулировали важный тезис для осмысления особенностей развития русского литературного языка в постпетровский период (прежде всего для пред-

* © Леденева В.В., 2012

Леденева Валентина Васильевна (godword@mail.ru), кафедра современного русского языка, Московский государственный областной университет, 105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, 10а.

ставления векторов и специфики нормализаторской деятельности ученых и писателей того времени): «Житие канцлера Франциска Бакона» Тредиаковского — «ключ к пониманию того, как провинциальный попович на волне переходного времени в истории культуры стал первым русским светским поэтом, первым отечественным профессором, первым русским филологом: теоретиком, критиком, историком литературы, реформатором стихосложения и орфографии» (с. 90). Эта мысль, ставшая основой концепции монографии, по нашему мнению, имеет неоспоримое научное значение.

Композиция монографии подчинена цели в процессе «тезаурусного исследования» охарактеризовать разные грани языковой практики Тредиаковского: тип писательского поведения, языковое строительство, теоретические разработки в области языкознания, — представить основы его поэтики и топики (см. *путешествие, корабль, чудеса*). В одиннадцати главах исследования, которые получили яркие, «говорящие» названия, доносящие силу речений самого писателя и переводчика (например: «Автор предпринял тут наставлять токмо своего читателя, а увеселять его оставил другим» (Эволюция переводческой доктрины Тредиаковского) — 4-я глава; «Своя есть честь и начатию...» (Тредиаковский — теоретик русского языка «от Петровых лет») — 6-я глава и т.д.), Ю.В. Сложеникина и А.В. Растягаев раскрыли разнообразные аспекты таланта первого русского профессора. В их книге отдана дань заслуженного уважения трудам теоретика, переводчика и писателя постпетровской эпохи — Нового времени, объективно осмыслены многие заслуги Тредиаковского перед отечественной наукой, его роль в формировании нового культурного дискурса интеллигенции и в создании метаязыка описания выдвинувшейся социальной парадигмы, указано на значение словотворческой деятельности как одного из основателей современной русской терминологии — наряду с А. Кантемиром и М. Ломоносовым (см. с. 109–110, 214–216).

Отраженный в зеркале другого жития «человек многогранный» охарактеризован в традициях антропоцентрической лингвистики Ю.В. Сложеникиной и А.В. Растягаевым, которым удалось представить в 1-й главе черты языковой личности (*творца и интерпретатора текстов*) с учетом истории социализации и духовной эволюции сына поповского. Исследователи разглядели их сквозь «магический кристалл» приобретенного в период учения символического имени *Тредиаковский* (калька с итальянского языка *tre* — *три*, *diacopo* — *диакон*: «третий в роду дьяконов, принадлежащий к третьему роду дьяконов») (с. 94), выполнив интересные для ономастики наблюдения. Убедительно доказывается, что придуманная фамилия связана «с авторским “я” своего создателя — неким интроспективным образом, который для писателя и ученого ассоциировался с собственной творческой субъектностью» (с. 95), мотивом обретения «мирской святости», пересмотром роли культурного диалога России и Запада в XVIII веке и переоценкой духовного наследия допетровской Руси (с. 96–97, 178). Ю.В. Сложеникина и А.В. Растягаев указали также на негативную роль «игры» с этим антропонимом в литературной войне В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова.

Авторами монографии по-новому представлено значение словотворческой деятельности Тредиаковского, ее роль в актуализации словообразовательных моделей с ориентиром на церковно-славянские образцы и калькирование, которые использовались при создании абстрактной лексики в XVIII веке и не утратили продуктивности в настоящем (с. 110, 117). Были установлены единицы, которые получили жизнь в его текстах (морфологическое, семантическое словопроизводство, словообразование путем сложения): *безмерный, бесполезность, внешность, дальновидность, дружелюбие* (с. 109–119). Объективную оценку Ю.В. Сложеникиной и А.В. Растя-

гаева получило амбивалентное отношение много путешествовавшего и учившегося в разных странах Третьяковского к заимствованиям как трансляторам культурных сведений. По итогам анализа составлен список иноязычных единиц, использованных им (гречизмов, латинизмов, пришедших из живых европейских языков). Исследованием этого материала подтверждается не только положение о языковом новаторстве, отразившем тенденции времени, но и мысль о корнях известных противоречий Третьяковского, сказавшихся в содержании воззрений на природу литературного языка и основы поэтики, проступивших в эволюции техники перевода и филологических изысканиях: «соположение конфликтных начал Петровской эпохи», противостояние высокого духа, светлого ума и больших знаний словесным ограничениям в развитии личности. Эта гипотеза интересно, новаторски развита в соответствующих полновесных главах монографии – в 4-й, посвященной эволюции переводческой доктрины (с. 119–126), в 6-й, где анализируются лингвистические взгляды (с. 135–150).

Не может не получить высокой оценки позиция авторов монографии, которая свидетельствует о стремлении объяснить (по различным основаниям) изменения в писательской и лингвистической программе Третьяковского, шагнувшего от принципа *translatio studii* к церковно-славянской традиции, от известного до сих пор, а некогда нашумевшего манифеста-предисловия в «Езде в остров любви» к поэтическому переложению Псалтири. Это объясняется эклектичностью, поиском компромисса и попытками синтеза нового и старого как заметной линией в научной и художественной деятельности реформатора стихосложения и орфографии (с. 151). Но дух осуждения с его «не» и «недо» не присущ рецензируемой монографии. «Теоретические умозаключения Третьяковского о русском литературном языке и его языковая писательская практика должны быть рассмотрены, во-первых, в целостности и единстве; во-вторых, вписаны в контекст языковой ситуации Нового времени; в-третьих, увязаны с понятием “тип писательского поведения”; в-четвертых, соотнесены с идеями национального самоопределения», – справедливо указывают Ю.В. Сложеникина и А.В. Растягаев (с. 135). И действительно, полипарадигмальное и полиаспектное рассмотрение наследия Третьяковского в свете идей, отраженных в тексте перевода «Жития канцлера Франциска Бакона», позволило во многом по-новому оценить сделанное им. При этом авторы учитывают научную традицию, которая сложилась в трудах М.Н. Виролайнен, Г.О. Винокура, А.А. Дерюгина, В.М. Живова, В.Я. Лакшина, Ю.М. Лотмана, Л.Ф. Луцевич, С.И. Николаева, А.М. Панченко, Л.В. Пумпянского, Б.А. Успенского и других исследователей.

Культурологическую и социолингвистическую линию анализа отражает характеристика труда «Речь о чистоте Российского Языка» и трактата «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи», что позволило авторам монографии прийти к убедительному заключению о влиянии экстралингвистических, прежде всего социальных, факторов на изменение концепции литературного языка Третьяковского. Определен основной фактор – разочарование в идее перенести в Россию академическую и салонную европейскую культуру, трагическое осознание ученым и поэтом неразрешимости вопроса о «причислении» лучших умов к «лучшему обществу», способному влиять на развитие науки, литературы, литературного языка (с. 137–142). Это обоснование Ю.В. Сложеникиной и А.В. Растягаева нужно принять, не умаляя значимости, уже потому, что оно не противоречит актуальным взглядам на роль социального субстрата в эволюции языка. Позиция Третьяковского подтверждена и при анализе его представлений о нормализаторской деятельности общества: «Образцами литературной нормы должны стать люди, знаю-

щие несколько языков, наблюдающие над языковыми процессами, ученые, воспитанные, благородные не по праву рождения, а по высокому уровню образования, занятые науками и чтением книг, умеющие писать художественные и научные сочинения чистым стилем, искусные, не «подлого» происхождения» (с. 158–159). «Попыткой самосакрализации» Третьяковского «через утверждение своего первенства в усовершенствовании русского языка, выработку нового светского, гражданского канона» (с. 158–159), однако, мы бы это не назвали.

Справедливо в книге Ю.В. Сложеникиной и А.В. Растягаева подчеркивается то, что в концепции Третьяковского «состязание духа и буквы было выиграно буквой», а «наиважнейшей причиной примата буквы стал сменившийся культуропорождающий принцип постпетровской эпохи» (с. 143). В этом же плане показателен анализ в 7-й главе монографии понимания Третьяковским *природного языка* (с. 155–158).

В характеристике Ю.В. Сложеникиной и А.В. Растягаевым творчества Третьяковского немаловажную роль играет анализ топики, в монографии присутствует данный аспект исследования. Если в 5-й главе изучена теологическая концепция поэтического творчества Третьяковского, то в 10-й и 11-й проанализированы топики и, соответственно, трансформация поэтики *чудес* в литературе Нового времени, оригинальное мифотворчество которой позволило Третьяковскому представить фигуру просветителя Фрэнсиса Бэкона как несшего свет разума в жизнь современников, познавшего цену силы разумного самостоятельного суждения. В рамках мифотворчества представлена попытка самооценки Третьяковского.

В исследовании Ю.В. Сложеникиной и А.В. Растягаева есть еще немало запоминающихся страниц, пробуждающих живой интерес к оригинальной фигуре В.К. Третьяковского – подвижника на филологическом поприще. Монография благородно возвращает наследие этого деятеля в сферу активных познавательных (в первую очередь научных) интересов человека XXI века; может иметь широкую читательскую аудиторию благодаря избранному авторами стилю презентации материала, смелой трактовке фактов с актуальных позиций.

Как труд, обладающий качествами новизны и актуальности, монография Сложеникиной Ю.В., Растягаева А.В. «“Житие канцлера Франциска Бэкона”: Биография Ф. Бэкона в уникальном переводе Василия Третьяковского (1760 г.). В.К. Третьяковский как мыслитель и переводчик» заслуживает высокой оценки.